

Шпенглера определенной пространственной символикой (точнѣе, присущимъ ей « идеальнымъ типомъ протяженности », который, какъ ея « первосимволъ », лежитъ въ основѣ всѣхъ ея внѣшнихъ формъ, определяя весь ея духовный стиль). Этой пространственной символики, обуславливающей единство духовнаго стиля данной исторической культуры, у Данилевскаго, какъ мы знаемъ, не имѣется.

И далѣе, законъ развитія культурнаго организма Шпенглеръ уподобляетъ Гетевскому закону метаморфозы растений (этого прообраза всякаго органическаго и, слѣдовательно, по Шпенглеру, историческаго развитія). Въ согласіи съ этимъ, онъ и толкуетъ всѣ продукты культурнаго творчества данной исторической души, какъ морфологически родственные другъ другу, какъ ея символическія обнаруженія.

У Данилевскаго же его культурно - историческіе типы не облаютъ такой строгой психиче-

ской центрированностью, т. е. не разсматриваются имъ какъ духовная индивидуальность, въ строгомъ смыслѣ этого термина. Вотъ почему онъ и не усматриваетъ наличности морфологическаго родства между всѣми конкретными проявленіями данной исторической культуры въ различныхъ областяхъ.

Такимъ образомъ ясно, что Данилевскій строить культурную характерологию иначе, чѣмъ Шпенглеръ.

Но, несмотря на всѣ эти существенныя различія, нельзя не признать большой заслуги Данилевскаго, задолго до Шпенглера ясно сформулировавшаго всѣ его главныя воззрѣнія. Культурный плюрализмъ, культурная фазеология и принципъ гомологій, какъ основной методъ историческаго изслѣдованія, — всѣ эти основныя элементы исторической морфологии Шпенглера имѣются и у Данилевскаго.

М. Шварцъ.

Мысли о социализмѣ

1. ИЗЪ ИСТОРИИ.

Сложную и живую проблему социализма (съ каждымъ годомъ все болѣе сложную и живую) охотно въ наши дни упрощаютъ и рѣшаютъ съ плеча — одни въ старомодно - спокойномъ стилѣ («социализмъ естественная надстройка надъ хозяйственной базой»), другіе въ новомодно-воинственномъ («россійскій

опытъ покончилъ съ социализмомъ разъ навсегда»). Еще чаще отождествляютъ социализмъ съ известнымъ хозяйственнымъ строемъ, — коммунизмомъ или коллективизмомъ, — (какъ демократію отождествляютъ съ парламентаризмомъ или республикой), и критикуя недостатки этого строя, критикуютъ какъ будто социализмъ. По мѣрѣ фактическаго развитія социалистическаго дви-

жения и его влияния на общественность и политику, подобные упрощения становятся все меньше допустимыми. Теперь уже трудно не видеть, что социализм — проблема культурная, глубоко спаянная с моральными проблемами века.

Въ посмертныхъ «Лекціяхъ о Соціализмѣ» (Revue de Metaph. 1921) Дюркгеймъ начинаетъ его опредѣленіе съ отрицательныхъ признаковъ — социализмъ не есть коммунизмъ, не есть государственная централизація хозяйства, не есть улучшение быта рабочихъ и пр. Уже въ этомъ одномъ онъ правъ: Социализмъ не то, что обычно утверждаютъ о немъ противники, и не только то, что въ немъ видятъ часто друзья. Какъ одна изъ «текущихъ», а потому и текучихъ, идей, идея социализма утекаетъ изъ рамокъ опредѣленій, — какъ вода изъ открытаго снязу сосуда. Социализмъ — моральное устремленіе, а не планъ и не фактъ: безсильны попытки замкнуть его въ формулы, или сдѣлать «научнымъ». Но социализмъ имѣетъ исторію: онъ не только живетъ, но и жилъ. Какъ историческое явленіе, онъ можетъ быть познанъ научно, а изученный какъ историческій фактъ, онъ уясняется, въ известной мѣрѣ, и какъ проблема культуры.

Социализмъ возникъ (на зарѣ 19-го столѣтія), какъ отрицаніе государства. Вотъ первый фактъ, который необходимо запомнить. Въ социализмѣ, «общественность» (буквальный переводъ слова) сразу противопоставила себя «государственности», или «политикѣ», какъ свободная активность внѣшнему принужденію. Зародившись въ нѣдрахъ Революціи (француз-

ской, а еще ранѣе англійской), свѣтъ онъ увидѣлъ фактически уже въ періодъ ея упадка. Онъ былъ не продолженіемъ революціи, какъ это иногда рисовалось историкамъ, а концемъ ея, и въ прямомъ смыслѣ — окончаніемъ (fin), и въ переносномъ — ко-нечности (b ut), одного изъ полюсовъ—концевъ, въ направленіи которыхъ распалась потрясенная Революціей жизнь. Полусому противоположнымъ «социализму» стала революціонная «политика», приводившая логически въ «коммунизмъ».

Основатели социализма начали съ того, что провозгласили крахъ Революціи, какъ выраженія «политическихъ» и «разрушительныхъ» идеаловъ. Въ образѣ «индустріальнаго равенства», «естественной іерархіи», «свободной игры страстей», трудового содружества — «кооперации» они противопоставили ея принудительному, государственно организованному равенству свободное общеніе лишь; на мѣсто разрушенія выдвинули строительство, а цементомъ стройки признали систему идей. Если старшій изъ нихъ Сень-Симонъ преклонялся передъ началомъ авторитета, то онъ же подчеркивалъ чистого духовный (черезъ идеи) характеръ влияния его на волю людей. Если позднѣйшія поколѣнія социалистовъ (бланкисты, марксисты) реабилитировали, подъ именемъ «соціальной революціи», политику и насилие, то и имъ, какъ «конечное» достиженіе, рисовалось безгосударственное царство свободы. Въ антиполитизмъ упирается и современный социализмъ въ лицѣ своихъ болѣе активныхъ теченій— синдикализма, гильдій-

ства, веббизма. Современный социализмъ, даже сводя социализмъ къ «социальному государству», имѣеть въ виду совершенно особый, небывалый видъ государства — государство «небюрократическое и свободное», *), т. е. лишенное какъ разъ своихъ собственно «политическихъ»; — внѣшне - принудительныхъ чертъ.

Поскольку «общество», возстающее противъ «государства» есть не что иное, какъ личность, возстающая противъ насилія, въ социализмъ нельзя не узнать индивидуалистическій по существу идеаль.

2. СОЦИАЛИЗМЪ И РЕВОЛЮЦІЯ

Почему же въ сознаниі многихъ (и не «бывателей» только) Социализмъ и Революція такъ тѣсно сплелись, какъ идеи? Чѣмъ объяснить, что **всѣ**, исторически извѣстныя революціи (начиная съ поздне - средневѣковыхъ крестьянскихъ возстаній и не исключая «буржуазной» Французской Революціи) неизмѣнно тяготѣли къ социализму? Какъ повять, что социалисты и теперь, чаще, чѣмъ кто либо, толкуютъ о революціи, а иные (и сами социалисты и ихъ враги) только революціонный социализмъ и считаютъ «настоящимъ» социализмомъ?

Революція, опредѣляли мы раньше на этихъ страницахъ (С. З. XIV. 244), есть острый кризисъ народнаго сознания, переживаемый въ моментъ «обнаженія новаго быта». Это вѣрно, но это не

*) Ср. М. Вишнякъ. — «Русскій Социализмъ и Государство». (С. 3 23).

все. Не всякое обнаженіе быта есть Революція: въ Революціи обнажается быть, **развившійся въ сторону демократіи** — инстинктивно, въ болѣзненныхъ конвульсіяхъ, ищется демократическій строй. Фашистскій переродъ, Бонапартовское «с о u r d ' E t a t » могутъ быть очень «революціонны» по виду, но только при крайнемъ злоупотребленіи терминами къ нимъ приложимо безъ ковычекъ это опредѣленіе: народъ, теряющій «волю», отдающій себя въ руки «сильныхъ», тѣмъ самымъ уже не революціонный народъ. Спорять объ октябрьскомъ переродѣ — революція онъ или нѣтъ: источникъ этого спора въ томъ, что одни фиксируютъ вниманіе на укрѣпленіи въ по-октябрьской Россіи демократическихъ нравовъ (бытовая эмансипація плебса), другіе на исчезновеніи демократическихъ правъ (народнаго представительства, свободы и пр.), но, подъ не-революціонностью и революціонностью обѣ стороны разумѣютъ **убыточность или выигршность для демократіи.**

Это не значитъ, однако, что Революція сама — только видъ Демократіи, бурный способъ ея проявленія. Революція не только не Демократія, а въ значительной степени антиподъ ея: обезличеніе, терроризмъ, демагогія не случайные спутники Революціи, а она сама. Демократія отражается въ Революціи, какъ въ кривомъ, запыленномъ зеркалѣ — изуродованная, обезображенная, непохожая на себя. Субъектъ Революціи не Демось (граждански живой народъ), а движимая эгоистическими инстинктами масса, минутами лишь воображаю-

щая себя « сувереномъ », искусственно принимающая суверенную позу. Поскольку цѣль предполагает сознательное усилие, демократія даже не цѣль Революціи : « общая воля » выявляется въ ней совершенно стихийно.

Истинное отношеніе между Революціей и Демократіей есть отношеніе между тѣлеснымъ человекомъ и его мыслимымъ « двойникомъ ». Демократія — двойникъ Революціи, незримо стоящей за нею, какъ не отступающая тѣнь. Только на ранней зарѣ ея, у колыбели, въ первый мигъ ощущенія упавшихъ оковъ, « двойникъ » просупаетъ передъ народомъ въ видимомъ образѣ, подобно тому, какъ далекій, не доступный для взора оазисъ видрисовывается вдругъ въ раскаленной сухой атмосферѣ, какъ видимая ясно и близкая фата-моргана. Это видѣніе поднимаетъ сердца. Оно объясняетъ и чудо Бастиліи въ рукахъ безоружной толпы, и чудо « Февраля », не забрызганнаго « октябрьскою » грязью. Свой « Февраль » есть у всѣхъ революцій; именно онъ отличаетъ ихъ отъ вульгарнаго бунта. Февральское обаяніе, не покидающее революцію въ ея самые темные, послѣ-октябрьскіе дни, напоминаетъ всѣмъ объ ея конечныхъ, демократическихъ цѣляхъ.

Февраль являетъ Демократію въ ореолѣ чистой идеи — въ томъ, незапятнанномъ практикой образѣ, въ какомъ она вышла изъ головы своихъ первыхъ создателей. Въ представленіи первыхъ поколѣній демократіи, освободительный идеалъ былъ единъ : демократія неразрывно

сливалась въ немъ съ тѣмъ, что позднѣе получило въ социализмѣ свое особое имя. « Общая Воля » Руссо въ « гражданскомъ состояніи » (état social) человека возвращала ему всю свободу, утраченную имъ вмѣстѣ съ « естественнымъ бытомъ » (état naturel). Идея « реального равенства » являлась уже программой социализма, но для обоснованія ея ученикамъ Руссо и поклонникамъ Робеспьера было достаточно чисто демократическихъ аргументовъ. Къ « реальному равенству » французской Революціи, какъ къ корню, восходить и собственно демократическія традиціи нашихъ дней, и весь социализмъ въ его марксистскихъ, и прудонистскихъ варіантахъ.

Этимъ примитивнымъ идеологическимъ родствомъ социализма съ демократіей и объясняется то социалистическое обаяніе, которымъ, въ различной степени, окутаны всѣ революціи — и « буржуазныя », и « пролетарскія ». Тѣнь социализма, рѣющая надъ ними — отраженіе синтетральнаго » образа Демократіи...

3. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМЪ.

Какъ и Демократія, Социализмъ отражается въ зеркалѣ Революціи криво. Это не самъ социализмъ, а его изуродованный болѣзненноликъ — горячечный бредъ о социализмѣ. Въ Революціи всѣ проявленія общественной жизни превратились въ уродства: правительственная власть стала « диктатурой » удачливыхъ лидеровъ, право и законъ « револю-

ционной совѣстью » (безсовѣстной и кровожадной), **соціализмъ** — «**коммунизмомъ**». Коммунизмъ и есть революціонное уродство социализма.

Но, оговоримся, коммунизмомъ называютъ двѣ разныя вещи — старый до-революціонный, и до-соціалистическій коммунизмъ, и коммунизмъ современный, революціонно - соціалистическій, зовущій къ священной войнѣ съ имущими. Кромѣ имени, два коммунизма эти ничего общаго между собою, въ сущности, не имѣютъ. Старый коммунизмъ стоялъ внѣ политики, былъ исканіемъ чисто моральнымъ. Программа современнаго коммунизма опирается на идею политической революціи, завершаемой расправой съ имущими и захватомъ ихъ богатствъ « бѣдняками ». Въ наши дни революціонный социализмъ воплощенъ въ « большевизмъ ». Въ эпоху французской Революціи его носителемъ было лѣвое якобинство и, особенно, бабувизмъ*). Наша старая «Смута»

*) Характернѣйшее для бабувизма, разумѣется, не заботы о «конституціи 93-го года» (и Ленинъ имѣлъ въ своей программѣ демократическую республику и настаивалъ, передъ октябремъ, о немедленномъ созывѣ Учредительнаго Собранія), а подготовка возстанія для захвата власти и планы революціонной расправы съ «врагами народа» и ихъ имуществомъ во имя «реального равенства». Ленинизмъ — это октябрьская практика и сопоставлять съ нимъ слѣдуетъ не теорію, а революціонную практику же бабувизма, какою она намѣтилась въ сохранившихся документахъ.

выдвигала въ этомъ направленіи Болотникова, позднеѣ — въ дворянскій вѣкъ — Пугачева. При всемъ различіи идеологическихъ оправъ (у Ленина - Маркса, у Бабефа - Руссо, у Пугачева — «древлее православіе» и «легитимизмъ») интимная душа у всѣхъ этихъ социальныхъ движеній одна. Называется ли потребляемый классъ « аристократами », « буржуазіей », « боярами », отнимается ли его имущество волею « санюлотовъ », « пролетаріевъ » или « холопей », воздвигаютъ ли на развалинахъ его власти « Республику Равныхъ », « Коммуну » или « вольное казацкое царство », — суть дѣла отъ этого не мѣняются: передъ нами всюду то уродливое (какъ все пораженное болѣзною) смѣшеніе двухъ противоположныхъ началъ (человѣческой страсти къ свободѣ и звѣриной похоти злобы), которое и есть **революціонный социализмъ**.

Марксистскій коммунизмъ Ленина — его законченныя современныя формы. Въ большевизма никакой соціалистической революціонности, въ сущности, нѣтъ, да и самъ онъ революціоненъ лишь въ мѣру уклоненія отъ « социализма » въ противоположную стихію « политики ». « Революціонные социализмы » внѣ большевизма либо фактически представляютъ собой его перепѣвы (большею частью недопѣвы) либо революціонны лишь въ фигуральномъ смыслѣ — въ какомъ говорятъ, напримѣръ, о «революціи» въ шахматномъ мѣрѣ. « Хорошія революціонности » — « позитивная », « конструктивная », « не средство, а

существо» — о которых по старой ортодоксальной привычке говорят В. Черновъ и Ст. Ивановичъ (С. З. XXI), въ дѣйствительности представляють собою истолкованную въ социалистическомъ духѣ эволюцію современнаго общества. Революція есть уничтоженіе, разрушеніе. «Положительное содержаніе» ея создается фактически эволюціей, а сама она только рветъ (съ живымъ мясомъ иногда, — нанося кровавыя раны) — оболочку стараго, успѣвшую омертвѣть и стѣсняющую живой организмъ. Революція всегда «деструктивна» и «негативна»: въ «средствахъ» ея — расхищеніи, насиліи, террорѣ — заключается ея существо. Наши социаль - революціонныя партіи — народники, марксисты — были, конечно, и революціонными и социалистическими, но революціонными въ чисто политическомъ смыслѣ («долой самодержавіе!»), а социалистическими въ смыслѣ мирной (хотя бы и нелегальной) пропаганды идей. Социаль - революціонный микробъ, въ видѣ смутной идеи расправы съ «барами» («жги, руби ихъ злодѣевъ проклятыхъ!») психологически не былъ имъ чуждъ, но это былъ чисто большевицкій микробъ. Недаромъ «лѣвые эсеры» какъ партія, а меньшевики одиночками, официально присоединились къ «коммунизму» въ октябрьскіе дни. Есть еще «революціонизмъ», свойственный преимущественно марксистамъ, и нашимъ и западнымъ, — сектантское отгораживаніе отъ «буржуазныхъ» партій, высокомерное презрѣніе къ «ревизионизму» и «соглаша-

тельству»: чтобы прослыть «революціонеромъ» въ этомъ значеніи, было достаточно голосовать въ парламентѣ противъ бюджета (въ надеждѣ что за него проголосуютъ другіе). Тутъ передъ нами, очевидно, революціонизмъ «фигуральный». Анархисты? Но эти, въ теоріи, антиподы марксистскаго большевизма, въ революціонной, деструктивной, практикѣ, были скорѣй учителями и вдохновителями большевиковъ, чѣмъ врагами. Въ началѣ «октябрьскихъ дней» возможенъ былъ споръ — подь чѣмъ, фактически, знаменемъ шла разрушительная работа — подь государственно-социалистическимъ знаменемъ «пролетарскаго идеолога Маркса» или подь анархическимъ знаменемъ «мелкобуржуазнаго бунтаря» Бакунина.

Война и Россійская Революція окончательно разбили социализмъ на враждебные лагеря — социализмъ «деструктивный», «духовно пріемлющій «октябрьскую» практику и сплотившійся подь знаменемъ Коминтерна, и социализмъ, не пріемлющій ни коммунизма, ни Коминтерна — социализмъ — **неревoluціонный**.

Революціонный социализмъ нашихъ дней всецѣло покрывается именемъ «коммунизма»...

4. СОЦИАЛИЗМЪ И РЕАКЦІЯ.

Социализмъ родился изъ критики Революціи. Въ процессѣ ея возникло и самое слово. Подь разрушеніемъ революціонной эпохи социализмъ отвѣчалъ потребности организаціи, строительства, собиранія, поскольку они вели къ довершенію начатаго и установленію новыхъ порядковъ.

Но изъ критики же Революціи выходило другое теченіе, стремившееся къ ликвидаціи сдѣланнаго и къ восстановленію старины. Идологически отличный отъ этого теченія, социализмъ психологически соприкасался съ нимъ на почвѣ критики Революціи и исканія культурно - общественной «скрѣпы». Подобно реакціонерамъ, социалисты первыхъ поколѣній охотно обращались, напримеръ, къ религіи, — не только Сень - Симонъ, апостолъ «новаго христіанства» или ученики его, организаторы форменной «церкви», но и эпикуреецъ-язычникъ Фурье, раскрывавшій «вѣлѣнія промысла», мечтавшій о роли «соціального Августина», и «научный социалистъ» Пеккеръ, почитавшій себя ученикомъ Іисуса, и анархистъ Прудонъ, при всемъ своемъ антиклерикализмѣ, уважавшій «глубину» Жозефа де Местра и понимавшій исторію какъ «безпрерывное становленіе Бога». У слѣдующихъ социалистическихъ поколѣній собственно религіозная струя исчезаетъ, но въ другихъ формахъ реставраціонные мотивы даютъ себя знать и у нихъ. Въ современномъ, особенно послѣвоенномъ социализмѣ они, быть можетъ, даже усилились. Современное «гильдійство» уже названіемъ говоритъ о преклоненіи передъ стариннымъ ремесленнымъ строемъ. Философы французскаго синдикализма толкуютъ о «дворянствѣ труда» и «военныхъ» доблестяхъ рабочаго класса. Нѣмецкіе теоретики, какъ Зигмундъ Рубинштейнъ, мечтаютъ о социалистическомъ «романтизмѣ». Да и старорежимные жесты коммуниз-

ма, — этого «все же социализма», — красноармейскій милитаризмъ, «мощи» и «алтари» Ленина, портреты вождей въ роли «зерцаль», и т. д. — по своему показательны.

Какъ и послѣ Французской Революціи, намѣчается въ наши, по-революціонные, дни контактъ социализма съ реакціей. Только «соотношеніе силъ» измѣнилось. Тогда къ контакту тяготѣли социалисты; теперь онъ больше соблазняетъ реакцію. Раньше социализмъ мечталъ о своей, очищенной отъ клерикализма «религіи»; нынѣ реакція придумываетъ свой, очищенный отъ демократической скверны, социализмъ. Но водораздѣлъ между ними по прежнему ясенъ: одинъ критикуетъ революцію во имя демократическихъ идеаловъ; другой отвергаетъ и ее, и стоящую за ней демократію; для одного «буржуазная» республика — неполная и несовершенная форма свободы; для другого самая мысль объ эмансипаціи человѣка грѣхъ; одному ненавистенъ «капитализмъ» современной исторіи; для другого вся «новая исторія» (демократическій опытъ человечества) — роковая ошибка.

5. АРИСТОКРАТИЧЕСКІИ СОЦИАЛИЗМЪ.

Перефразируя и расширяя вѣрную мысль Н. Бердяева о Революціи. («Конецъ Революціи положить силы изъ Революціи вышедшія и ею же созданныя»), можно сказать о социализмѣ, что онъ ищетъ выхода изъ современнаго кризиса культуры въ силахъ современныхъ изъ современно-

сти выросших и современностью созданных — в демократии прежде всего. Для Реакции выходом из проблем современности является, напротив, уход из нея, главным образом через религию, через возрожденное христианство. Возвращаясь к историческому христианству философы Реакции, конечно, не думают: оно слишком связано с навъки ушедшим бытомъ. Обращаются к христианству внѣисторическому, философски очищенному — к « аристократической », по собственному признанію авторовъ, и « чуждой массамъ, религіи избранныхъ ». Это не старое христианство Византійской Имперіи и средневѣковаго папства, благословлявшее мечъ и привилегіи сильныхъ. Это и не « Новое Христианство » Сенъ - Симона, должествовавшее олицетворять современность. Это вообще не религія, въ культурно - историческомъ значеніи слова — не творческая социальная сила, не проявленіе народной души .. Не новыхъ Тертуллиановъ и Афанасіевъ получаетъ въ лицѣ современныхъ философовъ церковь, а своихъ, христіанскихъ Порфиріевъ, Юліановъ, Симмаховъ, какъ и ихъ языческіе претшественники, спасающихъ міръ философской реставраціей старой вѣры. И снова, какъ тогда, при « послѣднихъ эллинахъ », современность рисуется имъ, какъ « бездуховное » царство Мачмоны, заливаемое волнами « варварства » — тогда « галилейскаго », нынѣ демократическаго. И, — тоже какъ тогда, — не замѣчаютъ, что все « духовное » и живое, противопоставляемое « бездушной » современности, занима-

ется цѣликомъ изъ нея же. Юліанъ, проклиная « галилейство » за преданность материальному міру и « атензмъ », гордится въ противовѣсть ему своимъ « чисто эллинскимъ » благочестіемъ и эллинскимъ аскетизмомъ, а самъ и мораль свою и всю программу языческой реформации, фактически, бралъ изъ практики христіанства*). Для нашихъ философовъ демократической социализмъ — « капитализмъ низшихъ классовъ », идеология « сдѣпленія атомовъ », а, вѣдь, все, что въ собственной ихъ христіанской или націоналистической (у Шпенглера) философіи является во истину спасающимъ современность — отказъ отъ « инвентурировки и стадности », защита трудового начала, программа корпоратизма — являеть подлинную душу именно этой, отвергаемой ими, « бездушной » системы. Античный міръ былъ « спасенъ » въ свое время не утонченнымъ неоплатонизмомъ Юліана, а « безбожнымъ галилействомъ » его противниковъ. Не « аристократическая религія » вернувшихся къ христіанству философовъ спасеть отъ моральнаго разложенія и современный « гибнущій міръ ». Задача эта по плечу такой же демократической и современной силъ, какою была во времена Юліана христіанская церковь. Въ ней было не одно « всечеловѣческое », но и « общечеловѣческое » —

*) Ср. « Мизопогонъ » Юліана (памфлетъ противъ богатой христіанской Антиохіи) и его письма къ архіереямъ », или главнымъ жрецамъ Асіи и Галатіи.

проникавшее въ каждую душу до собственно человѣческаго, т. е. общаго **всѣмъ** людямъ, ея нугра.

Такой демократической силѣ жаждетъ и ничтъ навѣ « капиталистическій » вѣкъ. Соціалистическое движеніе — откликъ на эту жажду. Но это откликъ «посюсторонній» въ земномъ, историческомъ смыслѣ слова. Въ процессѣ современнаго социалистическаго развитія « душа » неотдѣлима отъ « плоти », и поскольку демократія есть исторически данная для социализма « плоть », тщетны и лицемерны попытки ихъ разлучить.

« Спасала » въ исторіи вообще демократія: культурные кризисы всегда разрѣшались **снизу**. Въ широкомъ смыслѣ демократіей было и христіанство 4 - го вѣка. Только демократіей же — и въ широкомъ, и въ узкомъ смыслѣ — можетъ быть и социализмъ, если это не отвлеченная философія и не авантюризмъ, а « современный » и « спасающій » факторъ.

6. СОЦИАЛИЗМЪ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТІЯ

Демократическій идеалъ сдвигался при своемъ возникновеніи съ социализмомъ — его безымянно въ себя включалъ. Но какъ отдѣльное теченіе, социализмъ возникъ, какъ противовѣсъ « политической » программѣ, какъ реакція « общества » противъ « государства ». Не правы ли поэтому теоретики, утверждающіе, что демократическій социализмъ, въ родѣ напр., Жоресовскаго, « вовсе въ сущности говоря и не социализмъ »?

Фактъ формальнаго расхожденія социализма съ политической демократіей, на извѣстной ступени развитія, исторически несомнѣненъ, но онъ долженъ быть правильно понятъ и оцененъ. Это было расхожденіе не двухъ идеаловъ, а идеала и реальности, вѣрнѣе — идеала и его частичной реализаціи. Требованіе « формальной » свободы и равенства (провозглашеніе «правъ чловѣка») было вначалѣ выраженіемъ вѣры въ **дѣйствительное** освобожденіе и **настоящее** равенство: грань между «только политической», или «формальной» эмансипаціей и освобожденіемъ « реальнымъ » — « социальнo - экономическимъ » — идейно намѣтилась только **послѣ осуществленія** освободительныхъ лозунговъ въ формѣ «правового» или « буржуазнаго » государства, въ какойто полной несовершенства реальность противостала незапамятному практикой идеалу. По мѣрѣ дальнѣйшей эволюціи общества въ сторону осуществленія первоначальныхъ надеждъ ясность грани снова исчезла. Явились двѣ демократіи и два же социализма — « демократія въ собственномъ смыслѣ слова », или политическая, и демократія въ расширенномъ пониманіи — социальная, социализмъ « мелкобуржуазный », или оппортунистическій, и социализмъ « пролетарскій » — непримиримый. Средніе члены этой своего рода пропорціи (социальная демократія и оппортунистическій социализмъ) въ дальнѣйшемъ сближались постепенно на почвѣ практики, а крайніе (политическая демократія и непримиримый социализмъ) на-

оборотъ расходились, уходя изъ практики въ догму. Раньше слитыя въ идеалъ « политика » и « экономика » обнаруживали теперь единство и въ жизни.

« Формальное » и « реальное », « только политическое » и « социальное » практически неразличимы уже въ современныхъ программахъ. Никому не придетъ, напримѣръ, въ голову утверждать, что допущеніе женщинъ въ парламентъ есть « только политика », а социализация земли — « экономика », что свобода гражданина въ « буржуазной республикѣ » только формальность, а власть рабочаго при « социалистической диктатурѣ » реальна.

Либераль и социалистъ интересуются въ наши дни одинаково и реформой общественной жизни и преобразованиемъ государство, и для всякаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно, что и политическое освобожденіе и экономическое могутъ въ равной мѣрѣ носить и исполнѣть реальный, и только формальный характеръ. По мѣрѣ перехода отъ теоріи къ практикѣ дѣла освобожденія фактически дѣлаются однимъ — « политика » и « экономика » встрѣчаются въ « социальномъ », « демократическомъ » и « социалистическомъ » и вливаются взаимно другъ въ друга.

7. СОЦИАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

Не одна демократія, значить, но и социализмъ проходить, въ своемъ осуществленіи, « формальную » стадію. Съ другой стороны, не одинъ социализмъ, но и демократія способна эту формальную стадію покинуть и стать реальной. Въ идеалѣ и де-

мократія, и социализмъ зовутъ къ настоящей свободѣ. На практикѣ и демократія, и социализмъ начинаютъ съ законовъ и хартій, преобразующихъ только внѣшній строй, или форму. Демократіей, въ смыслѣ подлинныхъ « правленій народа » до сихъ поръ практически нѣтъ : тѣ государства, которымъ присвоено это имя, — даже самыя передовыя изъ нихъ, обладающія давно и всеобщимъ избирательнымъ правомъ, и Habeas Corpus, — на дѣлѣ являются пока « олигократіями » — олигархіями въ рукахъ политическихъ спедовъ и направляющихъ ихъ работу вліятельныхъ группъ. « Власть народа » все еще сводится только къ праву каждаго быть гражданиномъ.

Конечно, и социализмъ (какъ это косвенно доказалъ и российский опытъ) своей « социализацией » предпріятій принесетъ на смѣну капиталистической « монополіи » не « демополюю », или хозяйство народа, а фактическую « олигополюю » — хозяйничанье немногихъ : демополюя будетъ существовать въ началѣ формально, какъ право каждаго играть въ экономической жизни народа хозяйски — активную роль.

Противопоставленіе демократіи социализму было противопоставленіемъ формально осуществленной « народной власти » никакъ еще неосуществленному « хозяйству народа ». Народная власть, реализованная фактически, предполагаетъ осуществленнымъ (формально въ началѣ) и хозяйство народа. Истинно демократическимъ государствомъ можетъ стать лишь че-

резь обобществление, или « социализацию » хозяйственной жизни : превращение « олигократии » въ демократію есть развитие « только политической » демократіи въ социальную, « гражданна », формального носителя народнаго права, — въ свободнаго « работника », — служителя общаго дѣла.

То, что народная власть реализуется не иначе, какъ въ формѣ хозяйственной, или « хозяйской » воли народа не означаетъ, однако, что социальная демократія есть демократизация одной хозяйственной жизни. Она есть совокупность тѣсно связанныхъ съ собственно хозяйственной, и изъ нея вытекающихъ, общественныхъ демократій — промышленной (« гильдіи »), аграрной (« социализация земли »), потребительской (« кооператизмъ »), семейной (« эмансипация женщины »), школьной (« автономія университета »), профессиональной (« конфедерация »), международной (« интернациональ ») и пр. Въ социальной демократіи осуществляется социализмъ, какъ форма, или строй всей общественной жизни.

Конкретную идею социальной демократіи даютъ современные проекты социалистическихъ конституцій, проектъ Вебба, наприм. (Constitution for the socialist Common Wealth 1921), интересный особенно, какъ практическая программа самой пролетарской и самой трезвой изъ рабочихъ партій Европы. Социализмъ тутъ сложная, какъ сама жизнь, комбинація безконечно разнообразныхъ и спонтанно возникающихъ органовъ и проявленій общественности — « частныхъ » и « публичныхъ », национальныхъ и мѣстныхъ

союзовъ. Народный суверенитетъ не представленъ какимъ нибудь специальнымъ органомъ. Онъ непрерывно выявляетъ себя вездѣ, въ каждой клѣточкѣ и органѣ общественной жизни — въ парламентахъ (ихъ два — « социальный » и « политическій »), въ министерствахъ, въ земствахъ и муниципалитетахъ, въ заводскихъ комитетахъ, въ клубахъ, въ союзахъ коопераций, въ федерацияхъ грядъ-юноновъ, въ университетахъ и ученыхъ организацияхъ. Стирается разница между частно-гражданскими и публично-правовыми учреждениями : всё получили характеръ свободной публичности. Личность сдѣлалась автономной, не въ старомъ « атомистическомъ » смыслѣ, а какъ отвѣтственная участница коллективной жизни, въ разнообразіи и богатствѣ проявленій которой выявляется ея собственное богатство и мощь. Человѣкъ уже не вититъ извнѣ управляемаго механизма, а носитель живой и « неотчуждаемой » « общей воли » : подданному сообщено достоинство гражданина, работнику — сознание хозяина-мастера, потребителю — вкусъ владѣльца-любителя, ученому радость создателя духовныхъ богатствъ. Источникъ авторитета, знаніе, проникаетъ всё этажи и развѣтвленія социального цѣлаго, представлено всѣмъ коллективомъ, не оставляя мѣста давленію на волю извнѣ, хотя бы въ видѣ « самодержавія большинства ». Право каждаго понимать свое дѣло, какъ служение обществу вошло въ число неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ.

Въ такъ понимаемой социальной демократіи политическая свобода (ассимиляция каждымъ дубъ

личной власти) неразличимо слита с экономической (ассимиляция каждым хозяйской воли). «Вотчинная» организация предприятий, продажа и покупка человеческого труда, так же немыслима здесь, как и политическое насилие в форме какой бы то ни было диктатуры. Демократизация общественной жизни есть одновременно социализация государства.

8. ЦАРСТВО ТРУДА.

Классические лозунги демократии — Свобода, Равенство, Братство — сохраняют силу и для демократии «социальной». Только всё они, как и само государство, конкретизировались: **свобода**, — это прежде всего материальная независимость, **равенство** — «одинаковость исходного пункта» (equality of opportunity) **братство** — содружество, или товарищество в труде.

Труд — глубочайший принцип «социального государства». Оно есть то самое «царство труда», о котором поют в своих гимнах социалисты, и о котором они со времен своих первых «утопических» поколений не переставали мечтать. Только в редких, исторически объяснимых случаях, социалисты уклонялись от трудового понимания социальной идеи. Противопоставление трудовика — «индустриала» паразиту — «буржуа» — любимый прием Сень-Симона и его «завѣдываніе вещами» есть не что иное, как хозяйственный труд. «Кооперация» или сотрудничество Оуэна есть товарищество в труде. «Организация труда» (вѣрнѣе освобождение труда отъ

организации) — главная забота Фурье: душа его Фаланстера «**вещельный труд**».

Но истинным классиком трудового понимания социализма должен почитаться Прудон. Труд же Прудона — основа морали и всего благородного в человечестве. Вѣрить в прогресс для него значить вѣрить, что человек будет все больше и больше трудиться: «Ни в одну эпоху, — писал он в 50-х годах (De la justice dans la Révolution) — люди не работали столько, как в нашу; мы работаем больше, чем наши отцы; дети наши будут работать больше, чем мы; безработность (chômage) будет случаться все реже и реже... «Бѣдность (забота о хлѣбѣ, насущном) никогда не покинет человека, а наоборот, съ ростом разнообразія и богатства наших потребностей (и тела, и духа) будет непрерывно расти — наш вѣчный побудитель къ труду, а через труд — къ знанію, нравственности и счастью». (Justice poursuivie par l'Eglise)... «То, чего античный мир добивался гимнастикой, музыкой, философией и политикой, мы достигаем трудом. Красота откроется нашему миру через **аскета - работника**, проявить себя в бесконечно развѣтвившейся индустрии, вѣчно новая и вѣчно полная правды. Через труд достигнем мы высшей меры свободы и красоты, чем которой достигли когда либо греки. Единая семья героев, художников и ученых заселит их трудом обновленную землю» («Philosophie du Progrès»).

Социализм — триумф труда и для Маркса. Это побѣда сил живого работника надъ мертвой глы-

бой растушаго механически капита-
тала.

Но марксизмъ — вариация социалистической мысли, отражающая особую историческую среду. Сколокъ съ англійскаго рабочаго класса середины прошлаго вѣка, « пролетаріатъ » Маркса — за-
давленная трудомъ обнищавшая масса — не имѣетъ представленія о возможности свободнаго и достойнаго человѣка труда. Трудъ для него — проклятіе. « Трудовая цѣнность » (овеществленность въ товарѣ труда) — отраженіе пролетарскаго рабства. Мечта его — « царство свободы », въ которомъ достоинство жизненныхъ благъ перестало измѣряться количествомъ « выпитой изъ рабочника крови ». Побѣда надъ капиталомъ должна, въ этомъ смыслѣ, явиться побѣдой и надъ трудомъ. Недомыслиемъ « мѣщанина » объясняется попытка Прудона увидѣть въ трудовой цѣнности принципъ грядущей свободы. (*Misère de la philosophie*).

Современный социализмъ при-
мыкаетъ въ этомъ спорѣ не къ Марксу. « Царство свободы », какъ идеаль достигнутаго, дающаго человѣку покой, постепенно сдается въ архивъ, вытѣсняется « царствомъ труда » — идеаломъ непрерывнаго достиженія, напряженія творческихъ силъ. Все болѣе отсталымъ, глухо провинциальнымъ, становится въ наши дни типъ социалиста, рисующаго себѣ желанное будущее, какъ арену праздничной жизни, лишь въ силу несовершенства своего, омрачаемой часами отбыванія рабочей « повинности ». Нищій и безправный « пролетарій » прошлаго вѣка охотно мечталъ о богатствѣ и освобожденіи отъ труда. Современ-

ный работникъ, гражданинъ демократическаго государства, стремится къ « трудовой республикѣ » и освобожденію черезъ трудъ. Связь идеи свободы съ идеей труда для него совершенно ясна.

Человѣчскій (т. е. не подъяремный и не машинный) трудъ и свобода! — вотъ сжатая формула современнаго социализма рабочника.

Можно сказать даже — или свободы, ибо въ чемъ же, какъ не въ трудѣ, въ напряженіи воли человѣкъ обрѣтаетъ свободу? Исторія праздныхъ классовъ всѣхъ эпохъ и народовъ доказала неопровержимо, что всѣ нынѣшніе виды « свободы » — либо простая иллюзія, либо путь къ упадку и рабству низшей природы. Тѣмъ и дорого современному рабочнику « царство труда », что съ нимъ связана для него надежда свободы. Уже не голодь, и не излишекъ труда прежде всего угнетаетъ его и зоветъ на борьбу, а обезличенность и подневольность труда, его « скотскій » и « машинный » характеръ. « Дороже всего намъ свобода порыва (impulse) » — восклицаетъ гильдеецъ Коля — « служеніе не связанное цѣпями ». *Self-Government in industry*: « Новая гильдія, это — активная гражданская философія, превращающая рабочаго - наемника въ рабочника - гражданина, производителя нужныхъ обществу благъ »...

Глубокую связь социалистическаго идеала труда съ демократическимъ идеаломъ свободы указываютъ изъ виду реакціонные поклонники трудового начала. Шпенглеръ считаетъ трудъ « призваніемъ человѣка » и « Божьей заповѣдью » (*Preussentum und Sozialismus*), но этого недостаточно

для социалиста. Въ рамках реставрированной старой Пруссии, о которой онъ мечтаетъ, не можетъ быть социалистическаго труда, труда — **служенія обществу** — а возможна лишь вѣрная государственная служба. Социалистическій трудъ предполагаетъ свободное общество. А возможно ли свободное общество въ демократіи?

9. СОЦИАЛИСТИЧЕСКІЙ ИДЕАЛЬ

Социальная демократія, сказали мы, « формально » осуществляетъ социализмъ. Но что же такое социализмъ неформальный, настоящій, « по существу »?

Вспомнимъ различіе двухъ демократій:

« Только политическая » демократія — реформа общественной власти — предоставляетъ **человѣку право гражданства; демократія « социальная »** — реформа самого общества — облекая гражданскимъ достоинствомъ повседневный человѣческой трудъ превращаетъ это право въ реальность. То же и социализмъ: какъ реформа социального строя (демократизація общества), онъ открываетъ **передъ человѣкомъ только возможность** свободного творческаго труда. Чтобы возможность вылилась въ фактъ, долженъ морально преобразиться, социализироваться, **самъ человѣкъ.**

Демократъ, сводившій задачу къ преобразованію « государства » обезкривлялъ паюсъ своей борьбы, дѣлалъ ее, какъ демократическую борьбу, бесплодной. Социализмъ, ограничивающій задачу борьбой за « новое общество », не вносящій въ нее паюса борьбы за « новаго человѣка », дѣлаетъ борьбу бесплодной, какъ

социалистическую. Идею « не формального только » социализма должна давать намъ новая, социалистическая, мораль, сейчасъ уже могущая освѣщать нашу общественную борьбу. Лишь очеловѣченіе ея социализма наполняетъ социалистическую форму социалистическимъ содержаніемъ.

Она же впервые реализуетъ и само общество — не механическое « сцепленіе атомовъ » и не внешнее « объединеніе лицъ », а живое лицо — коллективъ, — существо, обладающее своей « недѣлимой и неотчуждаемой » волей — той самой, о которой, какъ объ основѣ « общественного договора », мечталъ Руссо.

« Осмѣливающійся дать народу законы, писалъ онъ въ своей удивительной главѣ о « Законодатель » (О. Д. II, VII) — долженъ чувствовать себя способнымъ изменить природу людей, преобразить человѣка изъ законченнаго и замкнутаго въ себѣ существа въ частичку болѣе крупнаго цѣлага, отъ котораго онъ, индивидъ, получилъ, въ некоторомъ смыслѣ, и жизнь свою и все свое существо, создать на мѣсто долѣющаго себѣ, физическаго существованія, даннаго намъ природой, лишенную законченности (partielle) моральную жизнь, отнять у человѣка силы лично ему, какъ индивиду, принадлежащія и замѣнить ихъ иными силами, лежащими въ индивида и въ рамкахъ узко личной жизни непримѣнными. По мѣрѣ умиранія въ человѣкѣ первоначальныхъ природныхъ силъ, въ немъ растутъ и укрѣпляются пріобрѣтенныя силы, а съ ними совершенствуется и самый законъ (institution) если отдѣльный гражданинъ безъ другихъ

стать ничѣмъ, если силы, приоб- рѣтенныя цѣлымъ, равны или вы- ше суммы личныхъ, естествен- ныхъ, силъ, значитъ законода- тель достигъ въ своихъ законахъ высшаго совершенства доступна- го человѣку »...

Въ образѣ « Законодателя » — гениальномъ символѣ творящаго исторію человечества — Руссо предвосхитилъ, кажется намъ, современный социалистическій иде- аль. Не о приниженіи индивида до роли общественной « клѣточки » идетъ у него рѣчь, а о чемъ — то какъ разъ противоположномъ — о превращеніи общества въ ис- точникъ личной энергіи, объ осу- ществленіи общественной воли, какъ воли лица. Это и есть **соціа- лизация человѣка**. Она то и пре- вращаетъ коллективъ въ **реальное существо**. Конкретно душа коллектива (« общая воля ») мо- жетъ проявить себя только, вѣдь, черезъ индивидуальную душу; значитъ черезъ **соціализацию** этой души она только и можетъ быть создана. Только на этомъ пути « завѣдываніе вещами », вытѣс- няющее « управленіе людьми » само теряетъ свой « вешный » характеръ и превращается въ об- щественіе лицъ. Идеальная демократія — объединеніе равныхъ и ни чьей сторонней воли не подчиненныхъ гражданъ — людей — есть **идеаль- ный общественный строй**. Идеаль- ный социализмъ — осуществленіе общества, какъ существа, реально надѣленнаго волей — есть **образъ идеальнаго человѣка**.

Безъ прикосновенія этой очело- вѣчивающей общество « нравст- венной революціи » никакая «со- ціальная революція и никакая ре- форма не согреть съ человѣческа- го труда печати неволн, не убь-

еть капиталистической души со- временности. Что изъ того, что эксплуатировать трудъ станетъ не частный промышленникъ, а «ком- муна», или «народъ»? Что изъ того, что «машина», въ «прида- токъ » къ которой превратился ра- ботникъ, будетъ машиной самого государства, или что «заработная плата», выдаваемая ему, приметъ форму пайка изъ національнаго склада, или права пользованія об- щимъ имуществомъ? Сама «эксп- лоатация», « машина », « плата за трудъ » остались — значитъ все осталось по прежнему — остался « капитализмъ ». Только « социализация индивида » дѣла- етъ эти категоріи невозможными въ общественной жизни, какъ онѣ, по самому существу своему, немислимы въ личной. Мы не можемъ сами платить себѣ зара- ботокъ, эксплуатировать себя, превращать себя въ придатокъ своихъ орудій. Такъ же невоз- можна въ обществѣ, ставшемъ лицомъ, эксплуатация, обезличе- ніе, покупка одного человѣка дру- гимъ; они были бы здѣсь равно- сильны эксплуатации, обезличенію, покупке человѣкомъ себя само- го.

Такимъ образомъ реальную сво- боду несутъ человѣку не социализа- ція хозяйственной жизни, сама по себѣ, а **вмѣстѣ** съ нею и **въ свя- зи съ ней** совершающаяся **соціа- лизация** человѣческой воли: толь- ко черезъ сліяніе индивидуаль- ныхъ волей и у отдѣльной лично- сти создается настоящее человѣ- ческое лицо. Демократизация и социализация — какъ бы два смѣ- няющіе другъ друга аспекта сво- боды. На ранней ея ступени (мы не изжили ея) преобладаетъ де- мократическій аспектъ, въ кото-

ромъ самъ социализмъ рисуется демократіей — простымъ распространіемъ ея съ « государства » на « общество ». На слѣдующей стадіи, уже намѣченной идеальнымъ лозунгомъ « братство », происходитъ обратное — превращеніе демократіи въ социализмъ, въ дорогу къ моральному преобразенію человѣка. Въ этомъ аспектъ « социальная демократія » только матеріальная опора социализма—историческая « плоть » готовая воспринять въ себя новый « духъ ».

Освобожденный идеалъ, какъ демократическій (**соціальный аспектъ свободы**) есть планъ идеальнаго общества, какъ социалистическій (**моральный аспектъ**) это — образъ идеальнаго человѣка. Въ этихъ двухъ идеальныхъ аспектахъ продолженіе прежней коллизіи « формальнаго » и « реальнаго ». Въ демократическомъ идеалѣ « братства » отражена историческая форма свободы, въ социалистическомъ образѣ « общей воли » — человѣческая ея душа. Ступенями демократіи — политическая, социальная, братская — намѣчается историческій путь реализаціи идеала. — Социализмомъ характеризуется самъ идеалъ, какъ направляющая историческое движеніе цѣль. Но и цѣль отъ этапа къ этапу мѣняетъ свой обликъ. Осуществленной политической демократіи социализмъ противопоставляется какъ царство труда. Осуществляющейся социальной демократіи онъ противопоставитъ, какъ социализація индивидуала.

Какими новыми, еще невѣдомыми, тонами окрасится социалистическій идеалъ при реализаціи « братства »? Зазвучать ли въ

немъ « сверхчеловѣческіе мотивы?... Или станетъ на очередь « теономія »?..

Послѣдняя и сейчасъ уже выдвигается, какъ предметъ личной **вѣры**. Знаемъ же мы о ней лишь одно — то, что человѣческій путь и къ теономіи (если онъ есть) лежитъ черезъ **автономію** человѣка. Въ забвеніи этого главная ошибка и главный « грѣхъ » современныхъ теономистовъ.

Соприженность аспектовъ свободы можно символизировать въ видѣ развертывающейся дороги и цѣли, къ которой эта дорога ведетъ. Въ социализма демократія мертвая форма — повсюду равный себѣ и никуда не ведущій путь. Въ демократіи социализмъ только мнимый маякъ, блуждающій свѣтъ, увлекающій путника въ пропасть или болотную топь.

10. «НОВОЕ ВАРВАРСТВО».

Всякая смѣна культуръ, самая счастливая, связана для человѣчества и съ какой-то утратой: какъ бы ни было цѣнно приносимое ею новое, въ упосимомъ старомъ заключены для него всегда незамѣнимыя цѣнности...

Не въ этомъ ли связи идеи социализма съ идеей « варварства » — соблазнъ сопоставленія его торжества съ эпохами упадковъ культуръ, съ картиной « паденія античнаго міра » въ частности?

О социализмѣ, какъ « новомъ варварствѣ », въ числѣ первыхъ заговорили, устами своихъ « лѣвыхъ » философовъ сами социалисты: « пролетарская революція » (« всеобщая стачка ») рисовалась синдикалистамъ, какъ истребительная война, « уносящая цивилизованный міръ ». Рожденіе но-

вой культуры, полной молодости и силы похупалось цѣною уничтоженія всей современной цивилизаціи.

Въ современныхъ разговорахъ о «новомъ средневѣковьи» уже нѣтъ этихъ «революціонныхъ» мотивовъ — они откровенно реакціонны, — но самое сопоставленіе двухъ эпохъ полно для насъ интереса. Соціализмъ дѣйствительно «варваризируетъ» міръ, какъ варваризировало его нѣкогда христіанство, и въ томъ же, отчасти, смыслѣ. Христіанское «варварство» грозило культурной чистотѣ романо - эллинской расы и утонченности быта рабовладѣльцевъ. «Нѣтъ эллинъ, ни іудей, ни рабъ, ни свобода!» —

это былъ и «спасающій», и разрушительный лозунгъ. Не уйдетъ съ исторической сцены безъ жертвъ и «капиталистическій» міръ. И социализмъ — его «плебейство» и «интернаціонализмъ» — грозитъ и расовой чистотѣ и цивилизованной утонченности современной культуры.

«Спасетъ» ли онъ ее, убивая ея «капиталистическую» и хищную душу?... Рационально обосновать вѣру въ это нельзя... Но и христіанство въ свое время не смогло бы рационально обосновать своихъ земныхъ упованій, а мы то знаемъ теперь, что оно культуру спасло.

Ив. Херасковъ.